

ХУТОР ЗАГОРЬЕ

ТИХАЯ РОДИНА АЛЕКСАНДРА ТВАРДОВСКОГО

Людмила Минкина

Я счастлив тем, что я оттуда...

А. Твардовский

Мы стоим на отчей земле великого русского поэта А. Т. Твардовского, — на хуторе Загорье, который занимал особое место в жизни нашего земляка.

Здесь он родился 21 июня 1910 года при обстоятельствах не совсем обычных, но и не столь уж редких в ту пору в крестьянских семьях: мальчик родился в «ёлочках», так как его мать, Мария Митрофановна, в тот момент работала в поле. Здесь рос и набирал силы вместе с «краем родным», прочитал впервые Пушкина и Некрасова, Фета и Никитина, испытал первое волнение, которое испытываешь от настоящей книги. Стучала здесь ма-

шинка матери, звучал голос отца, к приезду гостя загоралась висячая лампа и пел свою песню самовар.

На хуторе Загорье почувствовал Саша Твардовский биение жизни, усвоил ее первые уроки, написал свои первые стихи, впитал любовь к этой «кислой, подзолистой, скупой и недоброй, но нашей земле — нашему «имению». Здесь корни его поэзии.

Годы и войны не щадили эти места.

Осенью 1943 г., когда Твардовский вместе с частями 32-й кавалерийской дивизии, в рядах освободителей, шел к родному Загорью, он, потрясенный увиденным, с горечью скажет: «Я не узнал даже пепелище отцовского дома. Ни деревца, ни сада, ни кирпичика или столбика от построек — все занесено дурной, высокой, как конопля, травой, что обычно растет на пепелищах. Не нашел вообще ни одной приметы того клочка земли, который, закрыв глаза, могу представить себе до пятныш-

На родине А. Т. Твардовского.

Хутор Загорье. Починковский район Смоленской области

ка, с которым связано все лучшее, что есть во мне. Более того — это сам я как личность»

По решению исполкома Смоленского областного совета народных депутатов 1 сентября 1986 года, с любовью и уважением к поэту были начаты реставрационно-восстановительные работы крестьянского подворья Твардовских, а 19 июня 1988 года, накануне дня рождения поэта, был открыт мемориальный музей-усадьба А.Т.Твардовского.

В восстановлении хутора активно участвовали рабочие Велижского леспромхоза, сотрудники Смоленской научно-реставрационной мастерской, труженики совхоза «Починковский». Большую помощь в создании музея оказали братья и сестра А. Твардовского — Иван Трифонович, Константин Трифонович, Анна Трифоновна, земляки поэта, областная универсальная библиотека. Все постройки на отцовском хуторе восстановлены заново по рисунку и макету младшего брата поэта Ивана Трифоновича, по личным его воспоминаниям и старшего брата Константина Трифоновича.

Построены дом со скотным двором, сеной сарай, баня — первый «кабинет» юного селькора А. Т. (как он подписывал свои первые заметки в газете «Смоленская деревня»), кузница, сооружен колодец, вырыта сажалка — копаное озеро, которое служило, в основном, для отмачивания конопля, посажен яблоневый садик из восьми яблонь. По разработанным братьями (мастером-краснодеревщиком и кузнецом) эскизам изготовлены мебель, оборудована кузница.

Подлинных экспонатов в музее нет, так как семья поэта — родители, братья, сестры — была репрессирована и выслана в Зауралье. Типологические вещи, характеризующие период 1920–1930-х годов, собраны научными сотрудниками Смоленского музея-заповедника в ходе экспедиций по окрестностям с Загорья селам Починковского района. Без них не смогли бы вдохнуть жизнь в восстановленный дом, не смогли бы представить той, далекой от нас, жизни (кузнечные тиски и щипцы, часть плуга, предметы сельхозтруда и быта — тарелки, самотканые скатерти и полотенца, мебель...). Так воссоздавалась обстановка, особенность семейного уклада.

Хранителем своей «малой родины», посвятив жизнь музею А. Т. Твардовского, стал Иван Трифонович Твардовский спустя почти 50 лет — так уж сложилась судьба! — вернувшись из далекого Красноярского края и вот уже около 20 лет имеющего постоянную прописку в Загорье. И. Т. Твардовский — автор умных и правдивых книг — воспоминаний о брате: «На хуторе Загорье», «Страницы пережитого», «Родина и чужбина».

«Я давно собирался взяться за это непростое дело, жил во мне долг перед памятью брата. Еще думалось о том, что родного Загорья сейчас уже и не узнать. И в прошлом его не запечатлел никто — фотографов на хуторе не было. А сейчас о Загорье часто вспоминают как о родине поэта. А какое оно было — Загорье? Все, что сегодня написано о брате — это в основном о зрелых годах поэта. А ведь было

еще и детство. Я же знаю это детство, помню наше Загорье, которое не раз, не два отзывалось в поэтических строчках...», — так говорил о замысле книги «На хуторе Загорье» Иван Трифонович.

Давайте мы еще раз перелистаем эту небольшого формата книжицу.

«... В 1910 г., как раз в том году, когда отец купил в рассрочку участок пустовавшей земли, вошедшей впоследствии в деревню Загорье, родился Александр».

Поначалу отец пробовал открыть в Загорье кузницу маленькую, холодную. Ту самую, о которой в поэме «За далью — даль» будет сказано:

На хуторском глухом подворье,
В тени обкуренных берез
Стояла кузница в Загорье,
И я при ней с рожденья рос.

Работал отец в той кузнице, видимо, от случая к случаю, так как молотобойца он не имел, да и заказчики в той глуши были далеко не всегда.

Это был период, когда в семье нас, детей, было уже пятеро. Отец целиком посвятил себя ведению хозяйства с земли — хотел испытать счастье земледельца, энергией и смекалкой окультивировать свое «имение» и обеспечить достаток семьи.

В занятиях сельским хозяйством случались у отца удачи, но больше, пожалуй, было неудач. Семья еле сводила концы с концами...

Влияние отца в семье на нас, на детей, до определенного времени было несомненным, и мы с искренним уважением относились к его броской, завидной расторопности. Нам было лестно, что и лошадь наша не как у всех, а глядишь еще — рожь удалась отменная, что есть у нас и «сад плодовый: пять яблонь — пять сортов», и есть сажалка, где можно купаться. Но в глазах соседей мы выглядели странно: «все не как у людей».

Мы любили окружавшую нас природу и росли слитно с ней, впитывая в полной мере детские радости. Все стежки-дорожки, пригорки и задворки, кустарники и болотца, усадебные насаждения и наши немудреные строения были милы и дороги. Возле простенького, на один скат крылечка с лавочками стояли старые сосна и ель, почти сросшиеся у корней, с густыми, широкими кронами. Без этих деревьев трудно мне представить нашу загорьевскую усадьбу...

На хуторе у нас все приметные места носили имена. «Поле под дубами» — при вырубках мелкоколосья были оставлены два дубка, как наиболее редкостные и ценные деревья. «Лужайка под ракитой» — крохотный лужок, где стояла старая ракета с округлым кустом приствольной поросли. Была еще и «Белая горка» — жиденькая рощица березок; был и «Большой дуг». Эти места, конечно, до смешного малы, но в детстве воспринимались нами все это совсем по-особому.

Каждое хуторское хозяйство обходилось

Семья Твардовских
Мать Мария Митрофановна, Саша, Ваня,
отец Трифон Гордеевич, дочь Аня и сын Костя
Фото. 1916 г.

Александр Трифонович
Твардовский. Фото. 1928–1929 гг.

А. Т. Твардовский
на пепелище родной усадьбы.
1943 г. Фото В. И. Аркашева

своим пастбищем, своими пастухами. Кто позажиточнее, нанимал пастухов со стороны, у нас эту работу выполняли дети. Шуре пришлось нести такую службу несколько лет, следующая за ним по возрасту сестра Анна помогала матери ухаживать за младшими. А младшие у нас были всегда.

Вставать рано утром тут горе. Детский сон сладок, особенно летом, когда нет сил даже сообразить, чего, собственно, от тебя хотят. Мать это хорошо понимала и, конечно же, жалела сына, но не показывала своей жалости. И не могу вспомнить такого случая, чтобы брат жаловался на судьбу, отнекивался, ставил бы какие-нибудь условия. Нет! Почесывая искусанные комарами, исцарапанные ноги, жмурясь от света, он становился на четвереньки, точно прислушиваясь к звукам околицы, хотел убедиться, что да, день начался, а потом уже и вставал.

Проходило лето. Полевые заботы отступали, и мысли ребят уже обращались к предстоящему ученью, к книжкам. Правда, Шура читал книжки и летом, но меньше, конечно, чем осенью, зимой. Он и меня начал приобщать к чтению, когда мне было лет шесть.

Зимними вечерами братья возвращались из школы. Управившись с делами по хозяйству, семья начинала жить другой жизнью. Читали книги, решали задачи, заучивали стихотворения. Во всем этом отец наш принимал самое серьезное и живое участие. Он был по тем временам довольно-таки грамотным человеком для деревни. Умел не просто читать, писать, считать, но и начитанностью располагал немало. Знал наизусть массу стихотворений и полюбившиеся произведения мог, перечитывая заново, аналитически разобрать. Также обладал удивительной способностью устно перемножать числа, например, трехзначные на трехзначные, чему я до сих пор дивлюсь. Так что домашние занятия вечерами для всех нас были весомы и полезны.

Учился Шура легко. С учителями складывались хорошие отношения. Порой они становились желанными гостями в нашей тесной хате.

Книг у нас было, по теперешним понятиям, совсем немного, и все они умещались на угловой полочке под образами святых угодников, хранимыми по традиции, хотя уже тогда никто в нашей семье не отбивал поклоны им. Книги и лежали просто одна на другой, а не в рост, как положено. Почему-то полочку эту называли угловым столиком. Кроме изданий сочинений Пушкина, Лермонтова и Некрасова, было у нас пять или шесть томов Данилевского, томик стихотворений Фета, книги Никитина, Кольцова, Дрожжина, Тютчева, а из прозы еще Гоголь, Помяловский, Аксаков, Жюль Верн.

Много значило еще и то, что наша мать Мария Митрофановна была человеком, остро чувствующим. И хотя сама она книг не читала в те годы — грамоты не хватало, но проявляла живой интерес к тому, что прочитывалось и являлось предметом обсуждения между сыновьями и отцом.

Одаренность Александра была понята отцом значительно раньше, чем стали замечать ее и тем более признавать на стороне. Даже самые ранние его стихотворные попытки не прошли мимо внимания отца.

Я пишу эти строки спустя полвека, будучи уже стариком пенсионером. Задумываюсь над тем, чье же все-таки влияние на развитие мальчика, которому суждено стать поэтом, было в семье главнейшим? И мне хочется сказать, что, если бы спросили меня по самому строгому счету, ответил бы, что в основном это было отцовское влияние.

Он... научил нас видеть красоту родного края, умению удивиться.

В начале двадцатых годов кузницы у отца не было. Семья наша, состоявшая из девяти человек, продолжала жить с земли. В хозяйстве имели одну лошадь, две коровы, несколько овец. Но жились трудновато. Хлеб был постоянной проблемой. Рожь, основная хлебная культура, на нашей земле редко удавалась, и отец вынужден был пересевать озимые яровыми — ячменем, гречихой, овсом. Веснами несколько лет подряд мы бывали без хлеба. Перебивались всякой зеленью, вместо хлеба шли затируха, драники и все такое. Питались, как в шутку говорил отец, «акридами и диким медом». Хорошо помню, что весной 1923 года продали платяной шкаф и комод, так как иного выхода не видели. Вещи эти были, пожалуй, единственные, которые как-то облагораживали наше жилище, но бесхлебица принудила отдать за муку.

Когда отец уходил на заработки в «люди», «дома все работы вместо отца выполнял Константин, а Александр по возможности помогал ему. Прежнюю свою обязанность — пасти скотину — он передал мне. Осенью того же 1923 года он стал учиться в Белохолмской школе-девятилетке. Константину тогда было шестнадцать, — тоже надо бы учиться и парень он способный, но... был он старший, должен заменить отца: и косить, и пахать, и сеять, и все прочее делать в хозяйстве. Нес он эту ношу исправно — все умел, все успевал и не роптал на свою судьбу. Очень хотел и всячески содействовал тому, чтобы хоть Александр продолжал образование.

Последние три года жизни Александра в Загорье были нерадостны. Парень вырос, мечтал учиться, но школа в Белом Холме закрылась, ученье прервалось. Некоторым его сверстникам при содействии родителей удалось устроиться учиться в городах, кое-кто из наших же родственников отправился в Смоленск, а ему, и хотевшему, и имевшему все данные, такой возможности не представлялось. Угнетало его и то, что быть по-настоящему полезным дома он не мог: призвания к хозяйствованию, к деревенскому образу жизни у него не было. То, что приходилось делать по хозяйству, он, конечно, делал. Но это не отвечало требованиям его души.

А семья жила по-прежнему трудно. Взять хотя бы избу. Тридцать с небольшим квадратных метров на девять, а в 1925 году на десять душ!

Дом Твардовских. Дом восстановлен братом поэта И. Т. Твардовским.
В интерьере воспроизведена обстановка семьи Твардовских

Колодец у дома Твардовских.
Фото С. А. Богданова

Вот в таких условиях вырос, мечтал, активно участвовал в общественной жизни брат Александр. И комсомол, и Осоавиахим, и селькоровская работа требовали определенной организованности, внутренней дисциплины, а также и времени. Он должен был отлучаться, иногда не мог принять участия даже в неотложных работах по дому. Как это воспринималось нами и нашим отцом? Все мы по возможности шли ему навстречу. Было какое-то понимание, что у него своя судьба, таилась какая-то надежда и вера, что его стремления, его чаяния не окажутся напрасными.

Пожалуй, самый сложный и напряженный период жизни Александра в Загорье — после напечатания его первого стихотворения и первой встречи с М.В.Исаковским. То, что в газете рядом со стихотворением был помещен портрет брата, все мы считали большим событием, ничуть не меньшим, чем признание и зачисление его в настоящие писатели. Получалось так, что где-то там, в большом городе, его уже знали. Но сам Александр, по моему, даже страдал, так как хорошо понимал предстоящие трудности.

... Истинных друзей в загорьевский период у него было совсем мало. Несовпадение увлечений и интересов заметно отдалило Александра и от компании пастушеского детства, и от тех, с кем он вместе учился.

Осенью 1925 года начал отец строить кузницу.

...Мы вновь услышали в Загорье тот самый, воспетый много лет спустя братом «в лесной тиши сиротский звон», и из кузницы потянулся дымок.

... С утра и до позднего вечера, всю зиму напролет, шумел, искрил горн, и в хрусткую глушь улетал, растекаясь, то глуховато-размеренный, то учащенно-резкий и обрывающийся звон наковални. Накапливались рядки поковок, точь-в-точь как один, лентой лежали костные молоточки.

Вечером, наработавшись досыта, неторопливо умывшись, сажались за стол ужинать, и тут отец удовлетворенно сообщал, что день прошел хорошо: «Ну, Мань, двадцать сегодня!» Это означало, что изготовлено за день двадцать молоточков, больше, стало быть, чем вчера. И говорил он, что это еще не все, что будет и больше — «Костя — орел!» — и что каждый день больше сноровки, — будет и тридцать, а может и того больше.

С малых лет нам внушали, что работа — главная обязанность члена семьи и что жить иначе нельзя. Мы понимали, что обеспечить нашу большую семью одному отцу не под силу, и потому помогали как могли, не ропща на судьбу.

Славился отец и как отличный мастер по изготовлению плотницких и столярных топоров. На Смоленщине у него был лишь единственный соперник в этом деле, некто Бушуев, который тоже работал для торгов; отец признавал его, как равного. Тот имел свое именное клеймо и ставил его на свои топоры, о чем упоминал отец с заметной завистью и сожалением,

что он сам не собрался приобрести.

Александр всегда с нетерпением ждал почту.

Приносить почту часто случалось мне. «Сбегай, Ванюшка, за почтой», — бывало, скажет Александр, и я отправлялся, хотя и не очень-то иной раз хотелось «сбежать». Но, поскольку сам отец тоже был любитель заглянуть в свежую газету и всегда выписывал и «Смоленскую деревню», и центральную «Бедноту», и журнал «Сам себе агроном», и кое-что для нас — «Юный товарищ», «Юный пионер», — отказываться было нельзя, так как все равно прикажет отец.

В тот период, хотя, кажется, не часто, но нет-нет да и появлялись в смоленских газетах стихи за подписью «А.Твардовский». Воспринималось это нами, детьми, как событие большого значения, но и все старшие в семье радовались, перечитывали публикацию, даже как-то дружнее, родственнее становились, и то, что наша фамилия печатно значилась в газете, казалось, придавало ей какое-то особое звучание.

Так подошел и 1928 год. Кузница в Загорье работала уже два года. Отец ездил в Смоленск, сдавал свои изделия, по приезде домой бывал оживленным, веселым, пересказывал мельчайшие подробности встреч, выглядел помолодевшим (как правило, он, бывая в городе, успевал там зайти в парикмахерскую), становился добрее, сердечнее.

Но приподнятое настроение удерживалось недолго. Начинались подсчеты неотложных расходов, которые, как бы притаившись, ждали своего момента — атаковать и ограбить «пана». Уходя целиком в работу, отец иногда забывал или упускал из виду, что например, кто-то в семье давно ждет не дождется обуви, а тот совсем вырос из одежды, там долг, сроки вышли, а тут сестра наша подрастает, невеста без малого, а все еще ничего для нее не справлено, выйти не в чем, да и старшие, Константин и Александр, козушек делят на двоих, надевая по очереди прямо на рубашку. И получалось так, что прибегать на новую избу ничего не оставалось. Не помню, чтобы у Александра имелся хотя бы какой-нибудь костюм, вплоть до того дня, когда уже навсегда он оставил Загорье.

Отец чувствовал и, пожалуй, был уверен, что уже недалек тот день, когда сын объявит о своем решении уехать в город. Он замечал, что Александр стал молчалив, работой тяготился больше, чем прежде, свои письма стал сам носить в Пересну на почту, получал ответы «до востребования». Все это осложняло жизнь, Пересна была не под рукой, и продолжаться так долго не могло.

И все же сказать, что между отцом и сыном возникла «вражда», как пишет А. И. Кондратович в своей книге «Александр Твардовский», — нельзя. Может, допущаю, у Александра что-то такое юношеское и появлялось, но у отца — нет, не могло быть. А были у отца свои законные опасения, что сын, по молодости своей, окажется на развилке опасных жизненных дорог, и это его терзало, но не са-

Банька и сад — «пять яблонь, пять сортов»

Памятный знак в виде большого камня установлен на месте
родительского дома А. Т. Твардовского

ма, как главная причина, потеря в семье работника. Ведь и сам Александр в автобиографии пишет: «По-разному благосклонно и по-разному с тревогой относились мои родители к тому, что я стал сочинять стихи. Отцу, человеку очень честолобивому, это было лестно, но из книг он знал, что писательство не сулит больших выгод, что писатели бывают и не знаменитые, безденежные, живущие на чердаках и голодающие».

Это слова не юноши, не потрафившего чаяниям отца, а умудренного жизнью признанного писателя, и не приметить их — несправедливо.

Ранним морозным утром, в январе или в начале февраля 1928 г., Александр покидал Загорье. Всеми предполагалось, что этого не миновать, однако никто еще не знал, когда, и потому разлука была лишь в представлении. Теперь же она становилась явью.

— Ну, вот и все! — сказал он и обнял мать. Склонил голову к ее плечу, как бы замер, но тут же несколько отпрянул и молча остановил свой взгляд на ее лице. Затем, судорожно качнул головой, целовал мать в щеки. Потом обнимал нас, каждого где кого застал, говоря одно: «Ну, Ваня!», «Ну, Павлуша!», «Ну!...», «Ну!...».

Заключительным было его прощание с отцом, который все это время неподвижно сидел у стола. Александр подошел к нему и говорил что-то так тихо, что нельзя было понять, что именно. Он видел, что отец чувствует себя нехорошо, и, поборов в себе сковывавшую его гордость, подал отцу руку, и отец даже встал, что-то хотел сказать, чего-то ждал, но... их руки вдруг разомкнулись... Слов не получилось.

Подхватив свой узелок, Александр быстро вышел.

Одет Александр был в поношенный кожаный — нагольную овчинную шубейку с воротником из чалой телячьей шкурки, шапка покупная, серого барашка, с кожаным черным верхом, называвшаяся финской, порядком поношенная, уголки отвороты были коробленые. На ногах серые, кустарной работы валенки, заметно стоптанные вовнутрь.

Наконец, кажется это было в марте, пришло письмо. Скупое, немногословное, с долей какой-то грусти. Писал матери, что скучает по родным местам, что в душе он такой же, как прежде, что и сын видит все еще деревенские, но каждый день приходится метаться в суматохе, что город ошеломил его своим шумом, спешкой, этажностью и многолюдностью, но о возврате не может быть и речи.

Я будто въяве вижу брата в Загорье. Летом 1928 года нежданно, совсем как с неба, заметили мы приближающуюся к нашему подворью легковую извозчию повозку, чего никогда прежде не бывало. С любопытством вглядывались. Да это наш Александр! Приодет он был, как мне тогда показалось, «по-городскому», и то, что приехал на извозчике, говорило о каких-то его денежных возможностях.

И вот мы уже сидим за столом, семья в пол-

ном сборе. Но мне казалось, что наша радость отозвалась в брате какой-то грустью — был он среди нас уже гостем. Он приехал, чтобы взглянуть еще раз на родное подворье, повидать мать, отца, братьев, сестер, а впереди был опять город, неведомые нам заботы, надежды и огорчения. И ничего он уже не мог изменить.

Началось все с момента коллективизации, весной 1930 года.

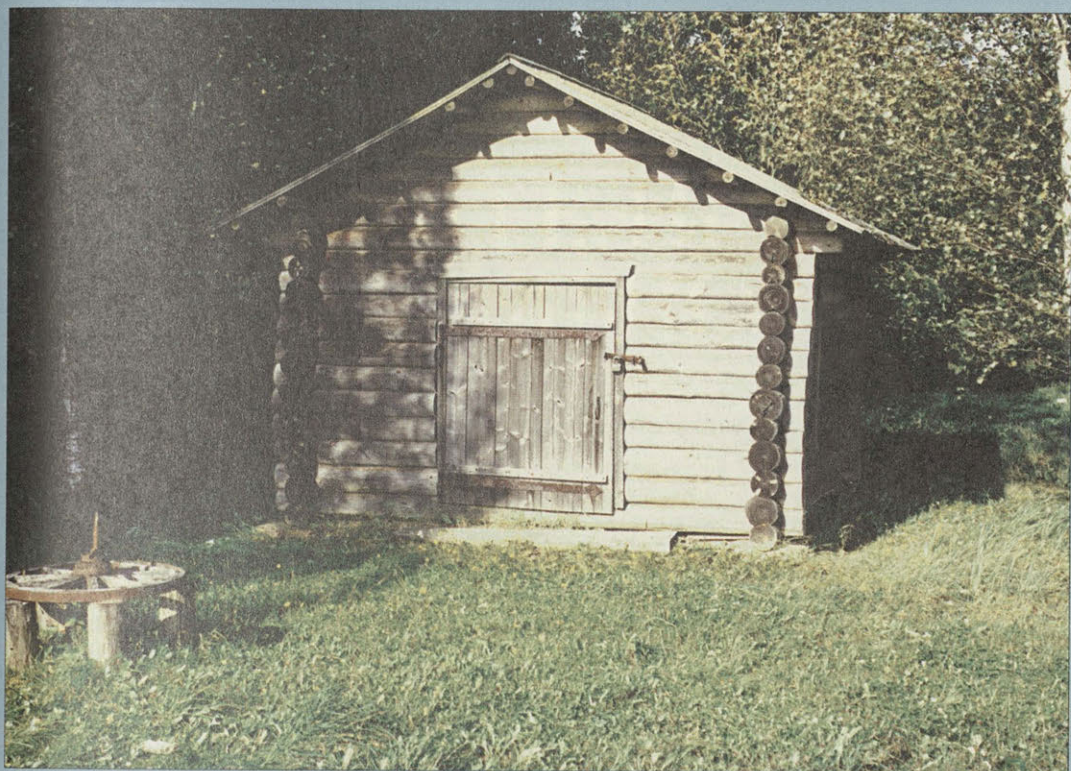
Хозяйство отца обложили индивидуальным налогом и сумму определили такую, что терялся смысл пытаться ее выплатить — надо было все продать, но и тогда выплатить не смогли бы.

Решили ходатайствовать перед районными властями об отмене непосильного налога. Было обещано пересмотреть, намечалось что-то обнадеживающее, и отец наш повеселел, хотя и не покидал его сомнения в том, что все уладится должным и лучшим образом. И поэтому кузница не работала, хозяйство слабело, прежняя энергия отца угасла. Имелась у нас тогда одна-единственная корова, какая-то мелкая живность и лошадь. Но лошадь была отменная — жеребец четырех-пяти лет, хотя и не чистых кровей, но рысистый, хорошего сложения, в округе таких было мало, что являлось гордостью и радостью отца и Константина.

В начале лета 1930 года прошел слух, что в селе Ляхово организуется сельскохозяйственная артель. В конце концов было написано заявление с просьбой о приеме нашей семьи в члены Ляховской сельскохозяйственной артели «Заря». Все делалось с самыми светлыми намерениями. Но тут как-то призабылось то, что по положению и закону следовало передать в общественный фонд и жеребца как тягловую силу. И отец отдал коня. Отдал сам. Скрепя сердце и нервы. Но тогда же сник, не мог найти себе места. Залез в его сердце, в душу червяк, который грыз его день и ночь. Пропал сон, пропал аппетит, потускнел для отца весь белый свет. И вот на третий ли, на пятый ли день пошел отец в Ляхово...»

Необдуманный поступок отца (увел из артели своего принудительно обобществленного коня-кормильца) в условиях тех лет был роковой ошибкой. Через две недели пришли работники сельского Совета с понятиями, описали хозяйство Трифона Гордеевича, которое по своему уровню только начинало приближаться в результате исключительного трудолюбия к середняцкому, объявили отца кулаком (Иван Трифонович Твардовский оставил в опубликованной позже повести «Страницы пережитого» немислимые сцены человеческого отчаяния и горя, причиненных тогда насильственным произволом семье Трифона Гордеевича). И как миллионы русских крестьянских семей, она была без всякого суда, без приговора насильственно сорвана 19 марта 1931 года со своих родных мест и брошена на север.

Подводы были поданы. Мария Митрофановна вместе с детьми (Анной 19-ти лет,

Кузница

Иван Трифионович Твардовский на юбилейном празднике, посвященном 90-летию А. Т. Твардовского.
Хутор Загорье. 21 июня 2000 г.
Праздник поэта на его родине проходит ежегодно в день рождения А. Т. Твардовского. Фото С. А. Богданова

Иваном на 17-ом году жизни, Павлом — 12-ти лет, Марией — 9-ти лет, Васей — около 5-ти лет) и жалкими пожитками прибыла в Ельню, где находился сборный пункт для высылаемых. Подоспели вернувшийся из Донбасса Трифон Гордеевич, куда непосильные налоги вынудили его поехать на заработки, и выпущенный из тюрьмы старший сын Константин, отсидевший там год за неплату налогов. Везли в Зауралье в товарных вагонах по 50 человек в каждом, везли 7 суток в скотских условиях... (Трифон Гордеевич сумел потом вывезти семью из Зауралья, сначала в Сибирь, а потом в Русский Турек, что на реке Вятке. Сюда в апреле 1936 года приезжал А. Т. Твардовский, откуда и вывез семью в Смоленск.)

Так Твардовские оставили Загорье, и больше никогда семья не соберется здесь вместе. Всем памятна известная фотография фронтового фотокорреспондента Василия Аркашева, на которой поэт запечатлен в 1943 г. понурившимся, с обнаженной головой, в шинели нараспашку, скорбно стоящим на месте бывшего дома. Но не всем известно, что хутор погиб не в войну, как можно думать, глядя на фото, а значительно раньше, когда семья Твардовских была выселена оттуда. Все растащили по бревнышку!.. Время всеильно, и именно оно все раставило на свои места.

Стертая временем с лица земли смоленская деревенька Загорье, особое и единственное для А. Т. Твардовского место, живет во многих его произведениях: от первых до последнего. «Простецкое деревенское детство» оказалось намного богаче, чем казалось Саше Твардовскому поначалу. Мир и опыт Загорья остались для него дорогим на всю жизнь.

Энтузиасты, свято чтя память о своем знаменитом земляке, восстановили усадьбу Твардовских, и едут сюда тысячи и тысячи людей как в дни проведения поэтических и фольклорных праздников, так и в будни. Сегодня они могут войти в дом детских и юношеских лет поэта, мысленно повторая:

Ничем сторона не богата,
А мне уже тем хороша,
Что там наудачу когда-то
Моя народилась душа...

И с нею — из той незавидной
По многим статьям стороны,
Мне всю мою сторону видно, —
Как город с кремлевской стены.
(«О Родине»)

Или:

Я в памяти все
Берегу, не теряя,
За тысячу верст
От родимого края.

За тысячу верст
От любимого края —
Я все мои думы
Ему поверяю.

Я шлю ему свой
Благодарный привет.
Загорьевский парень,
Советский поэт.
(«За тысячу верст»)

Созданный на хуторе Загорье мемориальный музей А. Т. Твардовского помогает понять, что способствовало становлению его как личности.

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла,
Всего с лихвой дано мне было
В дороге — света и тепла.

И сказок в трепетную память,
И песен матери родной
И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной.
(«За далью — даль», глава «С самим собой»)

В памяти посетителей останется дом, кухня, банька, колодец, сад — тихая родина Александра Трифоновича Твардовского.

А работы на хуторе продолжают. Предстоит выполнить планировку территории с рекультивацией плодородного слоя земли, восстановить утраченные земные знаки усадьбы — горки, с которых когда-то на санках и лыжах катались дети в семье Твардовского. Планируется на хуторе заложить аллею памяти. Пишут люди, что на этой священной земле хотят оставить в знак уважения к памяти поэта деревца со своих мест...